

84(2Рос-Рус)6

К М 28

Анатолий
МАРЛАСОВ

Белый
носоч

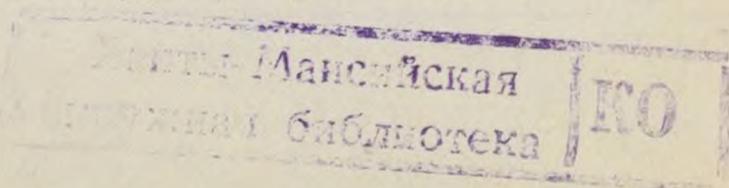
Анатолий Марласов

Белый посох

Тюмень, 1995

- 48326 -

ББК 84.5

к М28

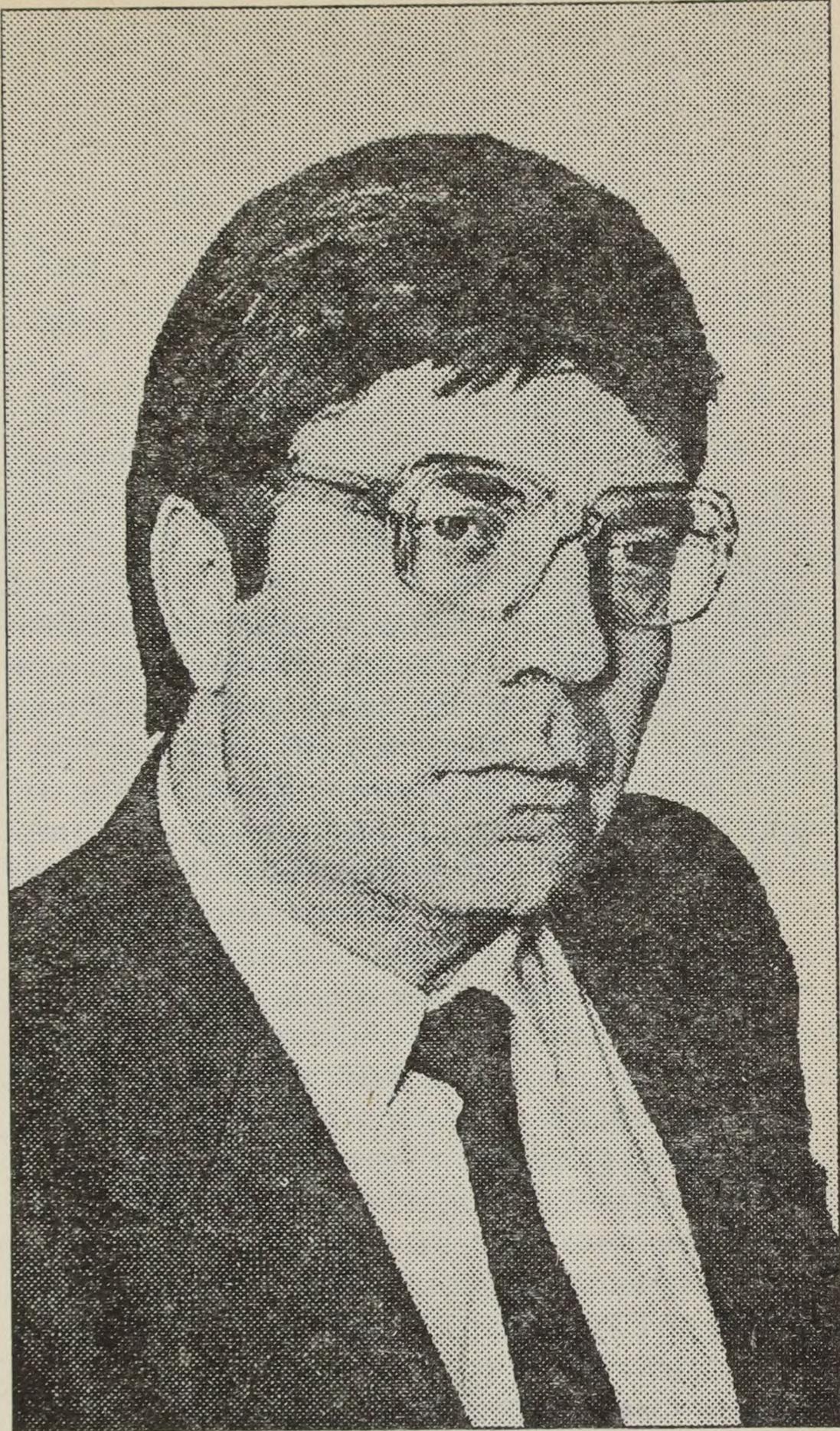
МАРЛАСОВ А.М.

М28 Белый посох: Стихи. — Тюмень:
«СофтДизайн», 1995. — 176 с.

Первый сборник стихов тюменского поэта Анатолия Марласова разбит на три раздела: "Страна Россия", "Страна Ямал", "Страна Любовь". В каждом из них сквозит настроение автора, с надеждой смотрящего на будущее России.

- © Марласов А.М, 1995.
- © СофтДизайн, 1995 (оформление).
- © Кухтерин А.С., 1995 (рисунки).
- © Дыба В.В, 1995 (обложка).
- © Мандрика Ю.Л., Дыба В.Р. 1995 (компьютерный дизайн).

ISBN 5-88709-021-9

Марласов Анатолий Михайлович родился 1 августа 1943 года в Пятигорске. Окончил Московский государственный институт культуры по специальности "библиограф" (1969). С 1969 года – заведующий отделом

культуры Тазовского района, затем Нижневартовского, г. Ханты-Мансийска, Ямало-Ненецкого округа Тюменской области. С 1993 года – директор областной научной библиотеки.

Как поэт дебютировал в 1959 году. Участвовал в коллективных сборниках: "Времена, в которые верю" (Свердловск, 1985), "Край олений" (Москва, 1994), "Песни тундры" (Москва, 1995). Стихи А.Марласова публиковались в журналах "Уральский следопыт", "Библиотекарь", "Сибирский тракт" и др.

Член Союза российских писателей (1994), член Союза журналистов России (1995).

Живая вода

Анатолия Марласова

Говорят, поэзия сегодня никому не нужна. Озабоченное проблемами хлеба насущного наше общество потеряло к ней всякий интерес. Редкостью в наше время становятся и стихотворные сборники. Хотя не бывает правил без исключений. И вот перед тобой, читатель, не просто новая поэтическая книга, но и — что еще более редко — новый поэт.

Стихотворения Анатолия Марласова могли бы, как он пишет со свойственной ему самоиронией, "пролежать, как Мангазея пролежала пять веков". Хорошо, что этого не случилось, и они все же выходят к читателю. Встреча могла бы произойти и раньше — многие стихи из этой книги известны мне давно. Но все как-то не получилось... Впрочем, трудный опыт советской литературы свидетельствует, что очень часто побеждает тот, кто приходит последним.

Судьба поэта во многом зависит от читателя — от его интереса, от его отзывчивости. Хотелось бы, чтобы в наше непростое время у нас достало сил — о т о з в а т ь с я.

Когда сегодня заходит речь о потере интереса к поэзии, то, скорее всего, имеется в виду, что рушатся последние островки духовности, обваливается каркас, на котором незаметно держится мир. Уставшие, измученные очередями и постоянными нехватками самого элементар-

ного, постоянно предаваемые высокими политиками наши соотечественники пытаются сегодня жить только на уровне биологическом, социальном, напрочь забыв о духовном, божественном, о том, что, увы, слишком многими презрительно или иронически именуется "высокими материями". Слишком многие, к несчастью, не могут и не хотят понять, что эти, без всяких кавычек, высокие материи опосредованно, через мириады внешне незримых, тончайших связей соединены со всем нашим бытием.

Есть, есть связь между стихотворением и, скажем, комом земли, который выворачивает землекоп из котлована под фундамент будущего здания. Качество здания напрямую зависит от качества стиха. Потому что поэзия — это небо, которым дышат все, даже этого не замечая.

Книга Анатолия Марласова называется "Белый посох". Главы книги — страны, но страны поэта — Россия, Ямал, Любовь — понятия не географические, скорее духовные.

Стихам Анатолия Марласова свойственны широкий диапазон взгляда, честность мысли, открытость чувства. Он силен в строках, опирающихся на внутреннюю биографию, на собственную судьбу. Для меня привлекательны и его метания, сомнения, неуверенность в себе ("...он все-таки не смог...").

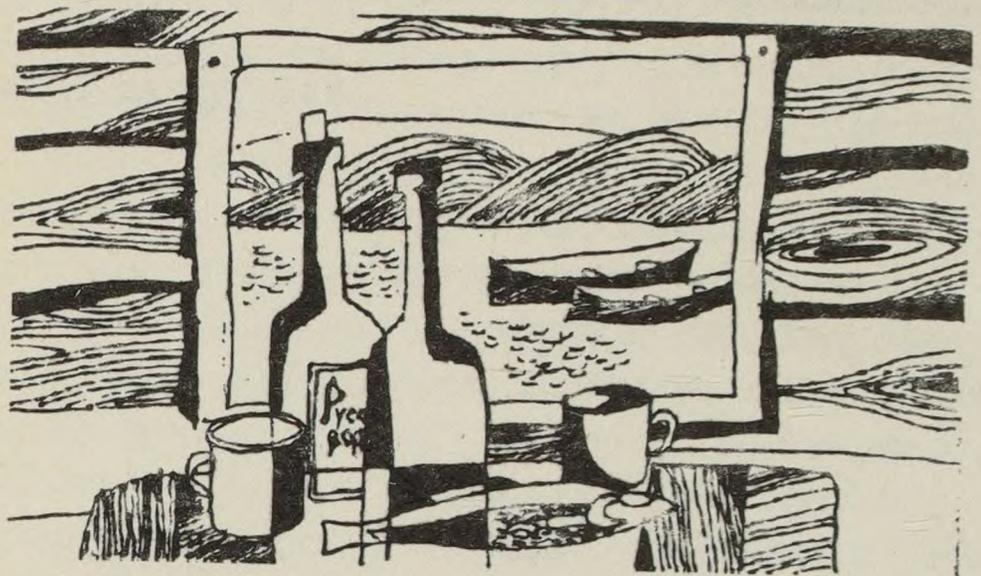
Да, книга о странах — неровная книга. Но она неровная, как дыхание. Это не дистиллированная вода, а живая — в ней есть и ил, и тал, и водоросли, и острые камушки на дне.

У поэта есть автобиографическое стихотворение о том, как он родился в бомбоубежище, и ему беженка "орала шепотом: "Кричи". Он кричал тогда, и ему удалось перекричать смерть.

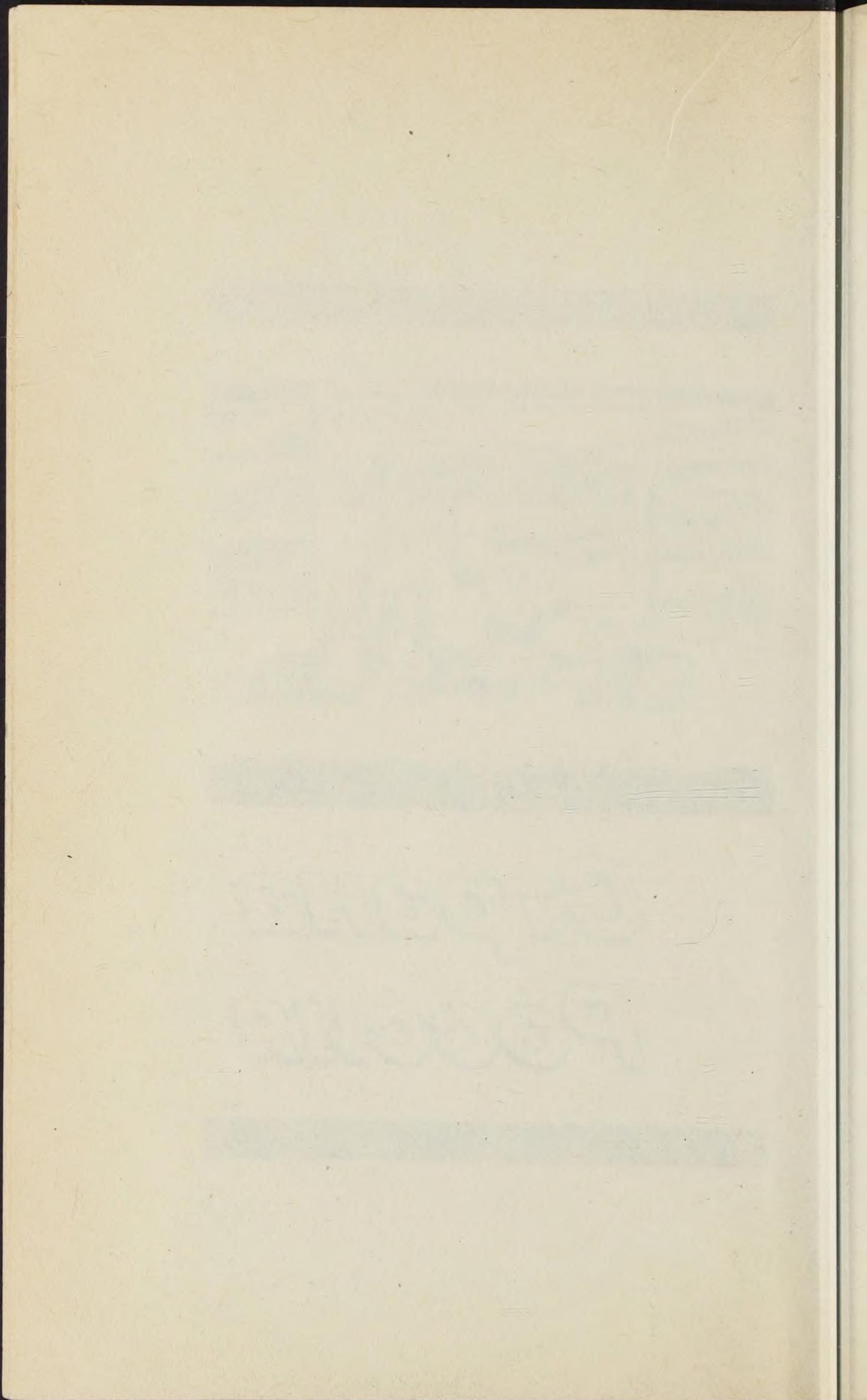
Перекричать смерть поэтической строчкой вряд ли легче. Но будем надеяться, что Анатолию Марласову и это удастся.

Во времена, когда говорят, что поэзия не нужна, может быть именно и нужна более всего на свете. Храмы можно разрушить, библиотеки сжечь. Поэтическая строчка живет в человеческой памяти. А память неуточжима.

Александр Гришин.

***Страна
Россия***

Приметы

Я верю в бесчувственность черных поверий —
Недаром ведь тучи окутали горло небес
И черные птицы срываются с черных деревьев,
И снег у подножий деревьев не бел,

И черная кошка вчера перешла мне дорогу,
И баба навстречу прошла,
 громыхая порожним ведром,
И даже подкову сорвали...
Она над порогом
Давно уж висела, улыбкой светясь и добром.

И глухо ударил мороз,
И печальная птаха
Всю ночь мне стучала, стучала, стучала в окно,
И где-то в ночи филин ухал и охал, и ахал:
"Ух, неладно! Ох, тревожно!
 Ах, ужасно темно!"

И невольно согласишься
В это четкое чудо предчувствий —
Вековые приметы, им не верить,
 наверно, нельзя.
Если все невпопад, на душе и печально,
 и пусто —
Значит, видимо, смерть
Выразительно смотрит в глаза.

Я готов умереть!
Наплевать на поверья, приметы...
Только чувствую я,
Только чувствую сердцем одно —
Я не знаю, родился ли я
и умру ли в России поэтом,
Но в Россию стучался, стучался, стучался,
Как птица в окно.

* * *

Я, наверное, слепну —
Не могу я смотреть на тебя!
Ты красивее ливня
И прекраснее красок огня.
Посох белый возьму
И пойду по лугам и степям,
И навеки исчезну...
И никто не увидит меня.

Я оглохну —
Мне слышать противно мне —
Дескать, он недостойн
Созвучий великого дня.
Посох белый возьму,
Не услышу проклятье твое
И навеки исчезну...
И никто не услышит меня.

Я, конечно, умру —
Перейду эту вечную грань,
Что видала политиков всяких
И всяких менял.
Посох белый возьму
И уйду в предрассветную рань...
Но ведь ты никогда,
Никогда не забудешь меня?

Есть море знакомых.
Я плаваю в нем,
Мне так хорошо и комфортно.
Знакомые вечером, ночью и днем —
Знакомые разного сорта.

Товарищей озеро есть у меня,
Друзья пруд запрудили.
И я, никого из них не виня,
Сочувствую — жили да были.

Добыли билеты в блестящий музей
Тревог и дорог, и событий,
А вот и родник настоящих друзей,
Для всех поколений открытый.

У человека есть гнездо — земля,
Но человек куда-то вечно рвется.
Воробышком из глубины колодца
Выстреливает сердце из меня.

И я лечу... Зачем, куда лечу?
Ах, я же птица!
Потому и плачу,
Что без гнезда я ничего не значу,
Что без земли и значить не хочу.

А мне-то и надо немного,
И этим богата душа, —
К зеленому солнцу дорога
И... зернышко карандаша.

Стихи, как волшебные маги,
Меня обступают, дыша,
А мне-то и надо — бумаги
И... зернышко карандаша.

Не требую денег, награды —
И этим богата душа.
Мне Родину только и надо
И... зернышко карандаша.

- 48326 -

* * *

Светло и чисто на душе,
Как в первозданной горнице,
И мысли мрачные уже —
Ура — за мной не гонятся.

Сказать кому-то —
Не поймет,
Привяжется с ехидцею:
"Живешь,
Как рыцарь Дон-Кихот".
А что во мне от рыцаря?

Не накопил добра-вещей
И верю в завтра славное...
Светло и чисто на душе —
А это все же главное.

* * *

Как тревожно сегодня
Шатаются ветки в саду
Что случилось? Ответьте, ответьте на милость.
Я предчувствую сердцем неясную эту беду
Я предчувствую сердцем —
Наверное, что-то случилось.

Вот и ветер сегодня —
Как будто сорвался с ума.
Он деревьям ломает и души, и руки,
И хотя далеко еще зимушка — мама Зима,
Но уже погибают на землю снесенные фрукты.

Да и тучи небесные словно сорвались с цепи
Все несутся, несутся, как звери лихие,
Я кричу им из сада, как будто кричу
из степи —

И не знаю, не знаю,
разносится ль эхо в России?

Как тревожно сегодня
Шевелятся мысли в мозгу,
Как сегодня бреду я на ощупь в потемках.
К сожалению, я не могу объяснить, не могу,
Объяснить не могу ни себе,
ни друзьям, ни потомкам.

Романс

Не грянет грома громкий окрик,
И не раздастся птичья трель.
Срывает листья ветер мокрый.
И вскоре засвистит метель.

Но где-то там, в подспудной сути,
На бессознательном витке,
Конечно, размышляют люди,
Что счастье есть, но вдалеке.

И сам я верил, что когда-то
Оно приблизится ко мне,
Но дату заменяет дата,
А счастья не было и нет.

Зима, весна — и море солнца!
Но вот опять за чей-то грех
Срывает листья ветер сонный,
И вскоре приземлится снег...

И от сознанья круговерти
И колесницы бытия
В осенний вечер жаждет смерти
Бессмертная душа моя.

* * *

Все было тихо и спокойно,
Ну, прямо божья благодать,
Когда сиреной
С теплых коек
Сорвало заспанных солдат.

Когда они,
Ругнув тревогу,
А заодно и старшину,
Ушли...
Как-будто ненадолго.
На самом деле —
На войну.

* * *

Я был рожден
В бомбоубежище...
От взрывов пели
Кирпичи,
И мне
Встревоженная беженка
Орала шепотом: "Кричи!".

И я, от взрывов ошалелый,
Как вспоминают,
Не молчал —
Впервые принялся
За дело
И даже смерть
Перекричал.

* * *

Россия,
Я твой колобок.
Не тот, что пел всегда беспечно.
Тот, в сказке получив урок,
Был съеден чуть ли не из печки.

Беспечно не пою я, нет!
С небес я не хватаю звезды,
Я из муки военных лет
Голодной матерью был создан.

* * *

Мой отец с войны вернулся
Из Европы напрямиком.
Он разделся и разулся
И...
Прошелся босиком!

А потом
Достал с улыбкой
Из солдатского мешка...
Револьвер?
Гранату?
Скрипку!
И зачем-то
два
смычка...

Воспоминание о 1947 году

Родной сестре

Я хочу рассказать о корове,
Гимн корове хочу я пропеть.
Мы желали корове здоровья,
Чтоб от голода не умереть.

Вы бы видели наши лица!
На корову молились мы,
Чтоб смогла она отелиться
После той холодной зимы.

"Тельти мальти"

да

"тельти мальти", —

Уговаривал я ее,

В переводе звучало: "В марте
Покажи нам богатство свое.

Ишь, какая ты справная стала,
Я ж худее со-ло-мин-ки!".
Нам в то время недоставало
Молока и черной муки.

Может, Бог улыбнулся маме,
Только помню отчетливо я —
Отелилась корова в марте,
И спаслась наша вся семья...

Деревня

Там без газа и ванны...

Н. РУБЦОВ

Я в колыбели деревянной
Родною матерью взращен,
Она без газа и без ванны
Живет тихонечко еще.

И, различая слухом тонким
Скрип деревянных половиц,
Меня, как Бога, молит только:
"Ну, появись... ну, появись!".

И вот — явление деревне,
Вот — удосужился, пришел.
Мимо ровесников-деревьев
Иду, но так нехорошо,

Так на душе моей печально,
Так деревянно на душе,
Как будто прокричала чайка,
Что мамы нет моей уже.

И я иду домой без цели...
А жизнь такая красота —
От деревянной колыбели
До деревянного креста.

Баба Паша

Всю жизнь свою
Баба Паша
И пашет, и пашет, и пашет.
Смеется:
"Смотри, Анатолий!
Не вздумай меня —
В санаторий.
А если и вздумаешь,
Малый,
То там работенки
Немало,
Пристроюсь тихонько
И буду
С девчонками драить
Посуду".

Родство

Его соседи звали дураком
За вид безукоризненно беспечный.
А он молчком, от всех людей тайком
Не год один копался в русской печке.

И докопался — выехал на ней.
И по деревне медленно проехал.
Вот так Емеля!
Вот так дуралей!
Что ж не смеетесь!
Или не до смеха?

Машины нас уносят в облака,
И это часть Емелиного плана,
Простого, извиняюсь, дурака —
Космических полетов ветерана.

Церквушка

"Ах, церквушка?
Ишь ты — чудо...
Только время тратить зря".
Но церквушка эта, люди,
Без единого гвоздя!

Тот, кто строил
Раньше церковь,
На все руки был мастак —
Архитектор, плотник ценный
И монтажник, как-никак.

Вы смеетесь: "Странно очень —
Разве не было гвоздей?".
Гвозди были...
Только в осень
Бревна гнили от дождей.

Гвоздь притягивает сырость,
Сырость — хуже червяка...
Раньше шили все на вырост,
Создавали на века.

Мастер

*Спас-Преображенский собор в
Суздале расписан неизвестным
костромским мастером Силой
Савиным.*

Надпись на мемориальной доске

Слышу в тонком колокольном звоне,
Что плывет через века ко мне:
"Сила Савин, где ты похоронен —
В Суздале, в Рязани, в Костроме?".

Был ты в жизни добрым и не хмурым.
Потому-то с тех далеких пор
Светится мужицкая натура,
Вписанная в суздальский собор.

А теперь, уже в музейном звоне,
Слышу отзвук грусти вековой:
"Сила Савин, где ты похоронен,
Мастер-рисовальщик костромской?".

Ну, ответь мне...
Что ж молчишь ты, Сила?
Пересиль, попробуй-ка, себя —
Где тебя нелегкая носила
Крепостного мастера судьба?

В чьих краях
Обмакивал ты в росы

Кисти, что остались от отца,
Где еще классическая роспись
Радует российские сердца?
Где до сей поры еще не узнан
Гениальный почерк мужика?
А пока...
Есть только город Суздаль
И... мемориальная доска.

Мимолетность жизни сознаем —
Что же делать? —
Даже принимаем.
Не страдаем?
Изредка страдаем
От того,
что все-таки умрем.
Умираем тихо и светло,
Не мечтая о наивном рае,
Умираем —
словно изливаем
Из груди
Излишнее тепло.

И я заснул спокойно и глубоко,
И мне приснилось чудо из чудес —
Прекраснейшая музыка Востока
И — русский лес.

Во сне я думал:
Что это? Радары
Каких-то изумительных планет?
И почему во мне звучат страдания?
Страданий нет.

И никогда теперь уже не будет.
Я сплю спокойно...
Тихо на Земле...
Никто меня на свете не разбудит —
Прекрасно мне.

Лишь лес шумит тревожно и печально,
Как море перед бурей...
Ну и что?
Я сам метался неразумной чайкой —
И вот итог.

Зачем я жил и жил ли я вообще-то?
Нет жизни без страданий и потерь.
Не понимал, не принимал я это,
И вот теперь...

Теперь заснул я тихо и спокойно
И что мне слава, приторная лесть,
И музыка далекого Востока,
И близкий лес...

Поверьте

И. Сельвинскому, Л. Озерову

*Давайте помечтаем
о бессмертии.*

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

Поверьте, поверьте, прошу Вас, поверьте
В свое и мое, и в чужое бессмертье.

Поверьте, как верите в полные ведра,
Как верят больные в могущество меда,
Поверьте, как бедные верят в удачу,
Поверьте, как верите в честную сдачу,
Прошу Вас, поверьте, поверьте, поверьте
В могущество жизни,
В беспомощность смерти!

Давайте во всем разберемся спокойно —
Когда-нибудь Вам не казалось такое:
Вы жили когда-то, любили когда-то,
Но смерть Вас настигла, как пуля солдата,
И вам не казалось, что в будущем веке
Вы вновь повторитесь в другом человеке,
Как в Вас повторился далекий Ваш прадед?
Поверьте в такую возможность, как в правду.
Прошу Вас, поверьте, поверьте, поверьте —

И Вам
обеспечено
будет
бессмертье.

"А
И
Вл
Н
И
Ж
С
М

Н
Тр
я
И

я
Во
И
За

* * *

"А если я когда-то жил
И очень искренно когда-то
Влюблялся в женщин и любил,
Но умер от ножа пирата,
И вот в обличии ином
Живу, не помня о прошедшем", —
Скажу иному — и иной
Мне скажет: "Ты, брат, сумасшедший!".

Но генетическая дрожь
Трясет без права на ошибку —
Я видел, видел этот дождь
И эту скорбную улыбку.

Я помню эти вот места,
Все это было, было, было,
И дочь над гробом у креста
Зачем-то ветку теребила.

* * *

Друг меня позовет —
Я откроюсь прекрасному другу,
Я ему расскажу,
Что давно я иду не туда,
Что давно я люблю
Эту снежную белую вьюгу,
Что давно надо мною,
Как вьюга, трепещет беда.

Враг меня позовет —
Я скажу ему: "Слушай, не надо!
Сядем в дружеский круг,
Разберем что почем — и пойдём!".
Только знаю одно...
Пожалею его, и когда-то
Он спасет от разрухи,
Спасет от разрухи мой дом.

Позовет меня вдруг
Тот, которому нету названья,
Он не враг и не друг —
Нечто белое между берез,
Он мне счастье дает,
Он приносит и боль, и страданья.
Я спрошу его, бог
Или черт его ветром занес.

Друга я позову —
И я знаю, откроется друг мне,
Он мне скажет,

Что я заблудился, иду не к себе,
Что когда-нибудь вдруг
Вьюга светлая все-таки ухнет,
Каркнет что-то тревожно
Черный ворон вдогонку судьбе.

Я врага позову —
Враг ко мне приползет на коленях,
Я спрошу у него:
"Ты же спас от разрухи мой дом?".
Не услышит — глухой,
Не увидит, лишенный прозренья,
В Красной Книге страницу,
Страницу займет он потом.

И того позову я,
Которому нету названья,
"Он не друг и не враг", —
Самому говорю я всерьез.
Он все время со мной,
Удивительнейшее создание —
Нечто белое,
Белое, белое... между берез.

* * *

У меня друзей палата —
Сорок искренних друзей,
Потому на круглой дате
Сорок восковых свечей.

Я расставляю эти свечи
И зажгу их — пусть горят.
"Сорок лет — еще не вечер", —
Так в народе говорят.

Десять самых-самых первых
Открывают то число,
Свечи их горят так мерно,
Мирно, медленно, светло.

Средь последнего десятка —
Ба, седые есть уже.
Видно, им жилось несладко,
Всяко было на душе...

...И потухли эти свечи,
И друзей в помине нет,
Сорок лет — еще на вечер,
Просто сумеречный свет.

Реке Москве

Я тебя, Москва, не виню —
Заковали тебя в броню,
Заковали твои бока
На века...

Не разлиться тебе, как встарь,
Не боится тебя звонарь,
Даже нервно-веселой весной
Укрощает тебя весло.

Я тебя, Москва, не виню —
Заковали тебя в броню.
Эта форма сидит на тебе,
Как на школьнице — в сентябре...

* * *

И эта речка — там, внизу,
И духовые звуки вальса
Готовы вышибить слезу
У северянина-скитальца.

Чета белеющих берез,
Что разбежалась и застыла,
Не довела меня до слез,
Но светлой грустью покорила.

О, боже, боже...
Вот она —
Та сторона, где была и небыль,
Где будешь пьяным без вина,
Лишь только бросишь взгляд на небо...

А я-то, по свету таская
Груз пережитых мною дней,
Забыл, что родина такая —
Всех мест на Родине родней!

Я долго свою Родину искал.
Нашел ее — и, видимо, напрасно:
Наткнулся на воинственный оскал!
А я-то думал: "Родина прекрасна".

Мне тяжело, ребята, сознавать —
На Родине, такой большой, нам тесно.
Мне очень стыдно за себя, за вас —
Мы думали, что Родина чудесна.

А Родина, как женщина на бэ,
Нас предавала, братцы, ежечасно,
И я не верил самому себе —
Я понимал, что Родина ужасна.

Ужасна тем, что я ее люблю.
За то люблю, что Родина ужасна?
...Но на могиле на своей велю
Два слова высечь:
"Родина — прекрасна!".

На родине

Здесь звуки в сто раз гениальней,
Здесь каждое лыко — в строку
Я слышу на хуторе дальнем
Пронзительное ку-ка-ре-ку

И посвист таинственной птицы,
И русскую речь воробья ...
Кубанская наша станица —
Родная певунья моя.

Почему не видно
белых птиц,
Почему нескладно
мы живем?
Оторвалась лодка от ресниц
И пропала в море
штормовом.

Ночь запеленала облака
Черной тканью...
И на сердце шторм...
Вьется мысль
у самого
виска:
"Почему
нескладно мы
живем?".

Осень

По осеннему по лесу
Сквозь печальную завесу
Паутинок и осин
Я бреду,
Как полусонный,
Не больной
И не влюбленный,
Без товарищей,
Один.
Вот и солнце закатилось...
Что же было, что случилось,
Чьи слышны там голоса?!
Впрочем,
Разве в этом дело?
Просто осень облетела
Все окрестные леса.
И окрасила повсюду
Эти листья,
Как посуду
В разноцветной Хохломе.
Если красками
И печат,
То от этого не легче
Ни деревьям
И ни мне.
Как они стоят без листьев,
Так и я
Бреду без мыслей
И не знаю, где село...

Что
С моей душой случилось,
Как в потемках
Заблудилась,
Хоть внутри нее
Светло?

В горах

И далеко еще до смерти,
И горы душу веселят,
И облака на шее ветра,
Как бусы белые, висят.

Рукой дотянешся до солнца,
Здесь воздух, как ребенок, чист.
Взглянул и вдруг смотрю — несется
Орел, как дельтапланерист.

Полугоре — не горе.
Не хватает мазка.
Да и лужа — не море.
Да и грусть — не тоска.
Почему же так часто
Среди смеха и слез
Полусчастье
За счастье
Принимаем всерьез?

* * *

Попадаются деньки,
Что ни шаг — одни пеньки,
Ни тебе
Разумной мысли,
Ни талантливой строки.

Хочешь море,
Но в ответ —
От ближайшей лужи
Свет
И такое ощущение,
Будто счастья в мире
Нет!

* * *

Убегают изо всех силенок,
Ничего от страха не крича,
Осени беспомощный цыпленок —
Солнышко на тоненьких лучах.

Почему-то грусть легла на сердце —
Было солнце, но теперь уж нет,
А земля, как глупая наседка,
И не посмотрела ему вслед ...

Сравнения

Небо маленькое,
Как шляпа
Соседа-гуляки...
А какова же
Лапа
У сына моей
Собаки,

Тем более,
Что собачка,
В которой
Души не чаю,
Не более,
Чем пачка
Индийского чая?

Вот огромный человек
маленького роста.
У него друзья, увы,
В жизни все непросто.

У него душа, как степь,
И, возможно, шире,
А берет себе пиджак
Только в "Детском мире".

Сердца яростная мощь,
Словно у вулкана,
А окружность головы —
Глаз у великана.

Обойти готов весь мир,
Не устав нисколько,
А штаны-то у него —
Шорты, да и только.

Он во сне — скала скалой,
Только солнце выше,
А проснется — сам себя
В одеяле ищет.

Он готов любым из нас
Поспешить на помощь.
Только разве углядишь,
Разве тут запомнишь —

Очень мелкие черты,
Мелкие детали?
Хорошо, что вы его
Хоть не растоптали...

Мерки сердца и души
Неподвластны ГОСТам.
Есть у нас богатыри
Маленького роста!

* * *

Станция радости —
Все вылезайте!
В тапочках тетя
И дядя-дизайнер,
В джинсах девчонка
Высокого роста
И конопатый
Мальчишка курносый.

Бабушка с дедушкой,
Дедушка с внучкой —
Все выходите
Веселою кучкой,
Всех приглашаю
Искренне вас я —
Станция радости,
Станция счастья!

Служит на станции
Добрый начальник —
В кителе белом
Пузатенький чайник.
Есть и помощники...
Бегают, бьются —
Синие чашки
И красные блюда.

А уж когда
Наступает запарка,
Тут и приходит
На помощь заварка.

Сахару много
Или немножко?
Справочник есть —
Мельхиорова ложка.

Служат на станции
Не дураки:
Круглые бублики —
Проводники.

Есть и другие тут
Нужные лица:
Пышки и Булочки —
Проводницы.

Я загадал вам —
Вы тщательно взвесьте:
Станция эта —
Есть в ЭМПЭЭСе?

Я, конечно, ошибался
И сбивался на фокстрот,
И прощения у вальса
Я просил, как идиот.

А вокруг кружились пары —
Пар таранил потолок.
Шуры-муры, тары-бары,
Кто-то девку поволок,

Кто за кооперативел,
Кто совсем за костенел...
Мир мне этот опротивел,
Повернулся я к стене.

И твердил,
Что свет наш — светел,
И не так уж тьма темна,
И не так уж страшен ветер,
И зима не холодна.

Владимиру Шмакову

Сентябрь — осени вокзал
В точеной раме...
Мой друг однажды мне сказал:
"Поедем к маме!".

И всколыхнулась боль, но я
Молчал упрямо.
Давно уж умерла моя
Родная мама.

Но отношенья не имел
Мой друг к той драме,
Он просто этот гимн пропел:
"Поедем к маме!".

И я завидовал светло:
"С его кудрями...
Конечно, другу повезло —
Он едет к маме".

Но что бы ни произошло —
Все знают сами
И понимают хорошо,
Что едут к маме.

Всю жизнь...
И нет тому конца.
Но грусть разлапив,
Я вспомнил старика-отца:
"Поедем к папе!".

Луч солнца востепенулся
И погас ...
Мычат коровы,
Бухают калитки.
И бабы выползают,
Как улитки,
И наступает
Тот вечерний час,

Когда усталость ниспадает
С плеч,
И хочется смеяться
Или плакать,
И даже если кто-то
Станет вякать,
То кажется
Возвышенною речь.

Восточное

Прислушайся к себе —
И говори...
И в речи этой
Все переплетется —
И жалобы уставшего колодца,
И солнечные возгласы зари.

И в этой речи все переплетется,
И будет речь похожа на ручей,
Колодец —
На прекрасную мечеть,
Мечеть — на отражение в колодце.

Сон

Какая странная причуда —
Беру я солнце, словно блюдо,
И, расколов его на части,
Я раздаю его на счастье...
И все уходят от меня
С осколком вечного огня.

* * *

Печататься —
Не значит быть поэтом,
Как часто забываем мы об этом,
Как часто среди книжной шелухи
Мы ищем настоящие стихи.

А я считаю, что простой ручей
Гораздо поэтичнее речей...

Эпиграмма поэту Н...

"Ни дня без строчки", —
Вот девиз поэта...
Ему бы руки
Оторвать за это.

Журавль

Альфреду Гольду

Один-единственный на область
У нас в селе журавль стоит,
К полету дальнему способность
Он в крыльях срубленных таит.

А чтобы не взлетел над лесом
Незаменимый на селе,
Его бадья с противовесом
Притягивает к земле.

Но ни скрипучая работа,
Ни тяжесть в крыльях — ничего
Отбить желания полета
Никак не могут у него.

И по ночам, когда не нужен
Такой нелегкий на подъем, —
Он над землею спящей кружит
С противовесом и бадьей!

* * *

Александру Гришину

Ничего в поэзии не стоя,
Я умру, как лошадь, от застоя.

Облако над тихою деревней,
Проплывет, как траурный листок,
И в тиши прошелестят деревья:
"Слушайте — он все-таки не смог".

И моя пробабушка Марина
Вдруг завоет искренно и длинно...

А потом, не верующая в Бога,
Скажет тихо (чтоб не слышал Бог):
"Надо бы пожить ему немного".
И вздохнет: "Он все-таки не смог".

Господи, прости меня за смелость —
Я прожил не так, как мне хотелось.

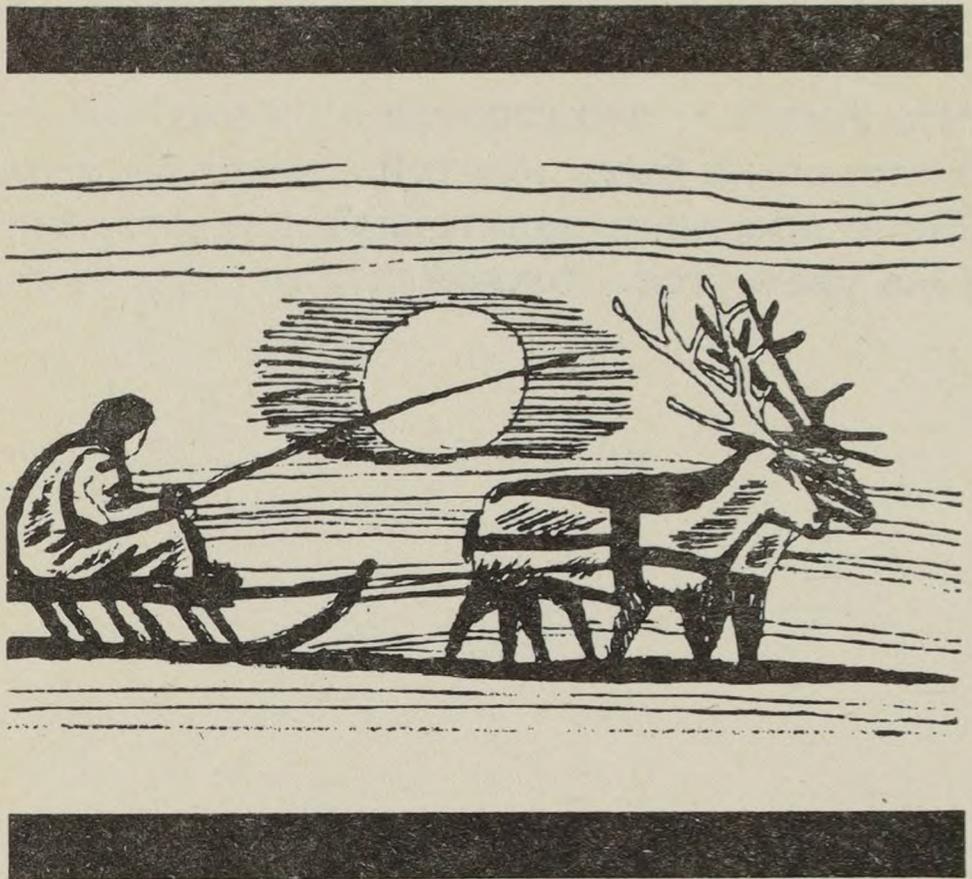
Мало ли слова каких я песен
В сердце переполненном берег,
Мало ли, что был с друзьями весел?
Главное, что все-таки не смог.

Старость

Жизнь моя уже не греет,
Не поет и не звучит.
Как гармошка батареи
Растянулась и... молчит.

* * *

Я знаю,
Что жизнь — это строчка,
Которой не быть золотой,
Ее не продлишь запятой,
Она увечается... точкой.

***Страна
Ямал***

Я
С
Д
К
А
И

К
Т
Я
Н
Е

Страна Ямал

Я знаю —
Север не для всех,
Для тех,
Кто полон свежей силы...
А вам такой не снился снег
И ночи белые не снились.

Конечно,
Тут еще не рай —
Я тропку правды не нарушу,
Но я влюблен в суровый край,
В его талантливую душу.

Белая ночь

Как будто шар надули над планетой,
А после пополам перепилили
И изнутри неясным странным светом
Ту часть, что над планетой, осветили.

Такая ночь, такая ночь, ребята!
Она — как символ северного лета,
Она скользит, как девушка, куда-то,
Как девушка из музыки и света...

* * *

Нет, я юность не рассеял
На нечаянные дни,
Полюбив Полярный Север
И полярные огни.

Я мотался по Ямалу,
Сердце не берег в груди...
Не успел я даже маму
В путь последний проводить.

Десять лет — не выстрел пули,
Им не виделся конец...
Чайки белые вспорхнули —
Умер батя, мой отец.

Может, лет пройдет немножко —
Мне ль предсказывать беду? —
Я, как ненец за морошкой,
В невозвратное уйду.

А пока, влюбленный в Север,
В эту хладную зарю,
"Зрелость надо не рассеять", —
Сам себе я говорю.

* * *

Л. В.

Неба сумрачный бархат,
Шторм на Обской губе ...
Я сквозь тундру на нартах
Пробиваюсь к тебе.

Ах, олени, олени,
Что ж вы медленно так?
Вам бы скорость мгновений
Или скорость атак.

Мне бы было не страшно,
Лишь бы только быстрее,
Ветер тундры —
в упряжку,
В руки солнца хорей.

И помчатся, помчатся,
Не касаясь травы,
Задыхаясь от счастья,
Приближенья любви.

В столице

Я уеду...
Очень скоро
Позабудется печаль,
Пепси-кола, пепси-кола...
Мне б водицу из ручья.

Мне водиться не пристало
С иностранною водой —
У меня в стране Ямала
И своей воды немало,
Хоть залейся с бородой!

Там у нас озера сини,
Сколько их — поди считай!
Реки тоже не простые.
В общем, изо всей России
Это самый водный край.

И когда в столице колом
Сердце встало на дыбы,
Я хотел не пепси-колы,
А простой водицы бы...

* * *

Анатолию Стожарову

В начале мая почернеет снег,
И будет снег не снег,
А просто смех.
И на душе моей печально станет...
А если поразмыслить — чепуха,
Ну разве это повод для стиха?
Конечно, снег когда-нибудь да стает.

Пусть под напором ветра, не сама
На льдине уплывет от нас зима,
Взорвется солнце от любви к растениям
И будет сутки круглые светить.
Ну, кто тогда мне сможет запретить
Веселые писать стихотворенья?

Пусть торжествует солнце, но его
Недолговечно все же торжество,
И хлопья снега закружатся вскоре,
И снова девять месяцев зима,
И я сойду, наверное, с ума —
И напишу стихи о Черном море!

* * *

В. Самбурову

О, эта комната с камином,
В камине жаркие дрова,
В ней поклоняются картинам
И чтут поэзии слова.

В ней не считают и не копят,
Друзей своих не предают,
Тут не увидишь пошлых копий,
Тут свой таинственный уют.

В нем — незаконченность этюда,
Незавершенность тех идей,
Что если выпорхнут отсюда,
То потрясут сердца людей.

О, эта комната с камином...

Такая радость —
Птица прилетела!
Не ворон
И не северный халей.
На серых крыльях
Маленькое тело —
Простуженный,
Но бойкий воробей.

И, слово честное, —
Я вовсе не был пьяным —
Я распознал в нем
Друга своего.
Я с ним чирикал
В синем океане
И понимал
Отчетливо его.

* * *

Т. и А. Козик

*Есть в нашей жизни пора, когда
каждая местность интересуется
нас как возможное место для
дома.*

*Я ушел в лес, потому, что хотел
жить разумно.*

ГЕНРИХ ДЭВИД ТОРО

Привет, отшельники лесные!
Вам предложить я не могу
Талоны жирные мясные,
Деликатесы развесные —
Я их не взял с собой в тайгу.

Я вам привез талоны ветра
И захватил винты "Вихрей",
Стихи прекрасного поэта,
Да не мои — Рубцова это,
Читайте, милые, быстрее.

Ведь вы, мои лесные люди,
Уйдя от жизненных стихий,
От разговоров и от судей,
Поэты по высокой сути,
Хотя не пишете стихи.

А что стихи?
Их пишут много,
Их пишут все, кому не лень,

Их не оценивают строго —
Была бы только в них дорога
Да злободневная Тюмень.

И прав был Генрих Дэвид Торо,
Я поддержать его спешу,
Хотя находят это спорным
В эпоху космоса
И вздорным,
Что жизнь разумна лишь в лесу.

Прекрасна ваша жизнь, медведи!
Весь день на воздухе лесном,
Никто не пишет и не едет,
Хотя открыты настежь двери
В ваш вами выстроенный дом.

Прекрасна ваша жизнь, ребята!
Пусть опорочен Диоген,
Пусть в бочке жизнь —
Подобье ада,
Каких-то ценностей утрата
И редких радостей размен,

Но повторю хоть перед казнью,
Хоть перед совестью своей,
Я убеждаюсь ежечасно,
Что ваша жизнь в лесу — прекрасна
Вдали от шума и людей.

И я завидую вам черно...
Но, размышляя, как мне быть,
Я вспоминаю бога с чертом —
Ваш дивный лес
И дымный город

И понимаю — мне не жить

Вот так раскованно и чисто,
Непредсказуемо, как лес,
Мне надоест все это быстро —
И этот снег, и эти листья,
И мир из сказок и чудес.

* * *

Упала сосна вековая
В объятия сугробов своих,
Я крикнул, нутро надрывая,
но крик неожиданно стих.

И снова болезненной тишью
Придавлен я, словно сосной,
И, будто летучие мыши,
Снежинки кружат надо мной.

И мне захотелось забыться —
Зачем я живу на земле,
В медвежью берлогу забиться,
Заснуть, растворившись в тепле,

И спать непредвиденно долго,
И видеть в замедленном сне,
Как солнцем пронзенная Волга
Стремится навстречу весне.

Ситуация

Шел снег,
Но масть не шла —
Я проиграл
Чукотку, остров Белый и Ямал.
Я торговал Россией,
Как купец,
Пока не понял,
Глупый,
Наконец,
Что мой партнер
В лицо смеялся зло:
"Продай свое родимое село!".

Я повод дал —
Врал в телеграммах маме,
Что мне тепло и в стужу на Ямале,
Врал в письмах и в стихах,
Что забываю
Любовь свою к отеческому краю.
И вот стряслось,
И вот оно — пришло:
"Продай свое родимое село".
Мгновенье —
Согласиться и пропасть.
Я пятерней ему заклеил пасть,
Чтобы не смела скалиться она,
И смысл вину остатками вина.

* * *

Картина эта вам знакома?
Ушло мое пальто из дома.
Надело брюки, башмаки,
Ушло, мне не подав руки,
Надело шапку набекрень,
Презрело общую молву
И укатило в град Тюмень,
А, может быть, и в град Москву.

А там господствует она,
Она — из капель, света, смеха
Непостижимая весна
Без огорчений и без снега.

Пальто вслед скажут:
"Идиот!
Он сводки метео не знает".
Пальто, сбежавшее, идет,
Отсутствием лица стесняясь...

Осень

Рассыпав,
беззаботная,
морошку
И прочие съестные чудеса,
Она от нас стекает понемножку,
Как времени печальная слеза.

Глаза ее подернуты туманом,
Подкрашены ресницы желтизной.
Стекает осень
по щеке Ямала,
Сливаясь с Ледовитою волной.

* * *

Сурово-сизая зима
Длиннее прошлой ненамного,
Уже уставшая сама,
Засобиралась вдруг в дорогу.

Нашла и посох по руке,
Надела платье, что полегче,
тряхнула льдины на реке,
Взяла свой скорбный скарб на плечи.

Весна ей выслала посла —
Зима не стала с ним калякать,
Вздохнула горько — и пошла,
Крепилась, чтобы не заплакать...

Весна

Зашумели леса
Белым взрывом берез,
Зашумели леса, зашумели.
Из лесов вышел дед —
Краснолицый Мороз
И сбежал
От пронзительной сини апреля.

И тогда был весною
Раскрыт парашют —
Голубиных небес
Голубого отлива.
Опустилась весна
На зеленый маршрут.
Это было, как в сказке,
Или в цирке — у Кио...

Случай

А. Стожарову

Утверждали —
Это ересь,
Не пройти туда.
Берег белый, белый берег,
Черная вода.

Не поймешь —
Зима иль осень,
Осень ли, зима?
Только помню —
Надо очень,
Как сошел с ума!

Улыбнулся старый егерь:
"Это — ерунда.
Ну и что ж,
Что белый
Берег
И черна вода.

"Вихрь" надежен,
Лодка тоже —
Звонкий алюминь,
Так что трусить
Нам не гоже
И кричать "Аминь".

Мы промчались с ним,
Как звери,
Сквозь шугу из льда.
Берег белый,
Белый берег,
Черная вода.

Валентине Няруй

В неводе моей печали,
И друзья не ожидали,
Вдруг попалась рыба счастья,
Рыба счастья — черт возьми!

Был я к счастью безучастен.
Хочешь — режь меня на части,
Хочешь — рви меня на части
Иль хоть как еще казни.

Я, конечно: "Да, спасибо!".
Но зачем мне эта рыба?
Я не знаю, что с ней делать,
Что с ней делать, черт возьми!

Я могу распутать смело
Всей моей печали невод,
Но зачем попалась мне вот
Рыба счастья?
С ней возни...

Я распутал невод грусти
И сказал: "Давай отпустим —
Вот уж не было печали —
Рыбу счастья навсегда".

Надо мною птицы-чайки
Возмущенные кричали,
Волны бедрами качали,
Но решил я: "Не беда!".

Северное небо

Словно смазанное лаком,
Не имея высоты,
Небо северным собакам
Давит даже на хвосты.

Вот картинка вам немая,
Речь правдивую веду:
"Я иду, с плеча снимая
Заблудившую звезду".

Облака проносит мимо,
И луна не выше глаз.
Наше небо ощутимо,
Осязаемо подчас.

Северяне на дороге
Навевают мысли мне:
"То ли люди там, где боги,
То ли боги на земле?".

Арина Родионовна

Пушкин А.С. перед смертью просил морошки.

Исторический факт

"Здравствуйте, Арина Родионовна!

Разрешите через столько лет

(От народа многомиллионного

Передать Вам искренний привет,

Поклониться

низко-низко в пояс

За добро,

что совершили Вы,

И вручить билет на скорый поезд

(От Михайловского до Москвы".

Улыбается Москва неоново,

Звон часов,

Стремительность машин.

Мы спешим с Ариной Родионовной.

На свиданье с Пушкиным спешим.

Временем ошибка не допущена...

Чуть поправив сбившийся платок,

Бабушка идет на площадь Пушкина

И несет морошки туесок.

* * *

Ах, морошка!
Чудо-ягода...
Только, братец, не ленись.
Как дорога,
Пляшет радуга
Снизу — вверх
И сверху — вниз.

Я по радуге пойду —
Красну ягоду найду.

Я спускаюсь во лесочек,
Во зеленый, во густой,
Набираю туесочек,
Говорю себе: "Постой!

Всю ее не соберешь,
Соберешь — не донесешь".

Кто-то рядом дышит шибко,
Надо все же посмотреть.
Неужели не ошибка,
А взаправдашний медведь?

Рвет морошку, давит сок...
Жаль — остался туесок...

Старик

(Старик был мудр,
Как зимняя сова,
Он не бросал на ветер
Звон — слова.

(Он трубку не тянул —
Табак он нюхал,
Старик был слеп,
Но с превосходным слухом.

(Он слышал
Даже таянье снегов!
В оленьем стаде
В тысячу голов
Без помощи (хотя вокруг друзья)
Он выбирал оленей
На тынзян.

А как красиво он их запрягал,
Как мчался одержимо —
По снегам
И песню пел
Единственную в роде
(О солнце,
О соседях,
О природе.

(Однажды волк,
Голодный волк вне стаи

Решил его догнать.
Догнал.
И тут
Раздумывать старик не мог,
Не стал он —
И выстрелил на слух...

А волчий труп
Я видел сам.
Всего одна лишь пуля
Пронзила волка в сердце,
Наповал.
Я восхитился:
"Ну, даешь, дедуля!"
Но он в ответ ни слова
Не сказал.

* * *

Это было давно.
Однако,
Можно даже уже забыть.
Мне понравилась в чуме собака,
И решил я ее купить.

Мел слова я,
Как электровеник,
Но сказал не спеша мне
дед:
"У тебя, видно, много денег,
А простого понятия нет".

Вывел молча меня из чума,
Там металась оленья рать:
"Надо думать.
Немножко думать,
А потом уже торговать.

Без собаки я, как собака.
С нею в тундре я — человек".
Это было давно.
Однако
Я запомнил урок на век.

И когда предлагают мне дельце —
Место... Деньги... Уютный кров,
Вспоминаю я старого ненца
И к собаке его любовь...

И хотел бы я заплакать,
Жизнь в остатке вороша,
Да неловко — рядом Яков,
Яков — светлая душа.

Он у нас на лесосплаве
Носит кличку Борода,
Он в заслуженнейшей славе,
Ветеранище труда.

Дикой силой обладая,
Не обидит муравья.
У него немолодая
И серьезная семья.

Переводит без остатка
Сумму круглую семье.
Чай он любит, чтобы сладко,
Водку, в общем, — так себе.

К тем готов всегда на помощь,
Кто не тлеет, а горит,
Только прошлое не помнит,
Ничего не говорит.

Даже если выпьет много,
Не сболтнет, как прохиндей,
Что по сталинским острогам
Лет пятнадцать просидел.

Осень

И вот уж неожиданно опали
С деревьев листья на седом Ямале,
Хоть август только вздрогнул синевой...
И мой сосед в балке небритый Яков
Вдруг засмеялся, а потом заплакал
И лег, укрывшись шубой с головой.

Я на гитаре что-то запиликал
О стройке всенародной и великой,
Чтоб чем-то грусть у Якова отбить,
А он взглянул и мудро, и мохнато:
"Ну, что же делать?
Делать что-то надо!".
Но я заверил, что не буду пить.

Я вышел в августовскую природу
И шел так тихо, словно нес я воду
На коромыслах в ведрах...
Между тем
Я был пустой, словно порожний чайник,
Как бы сказал насмешливый начальник:
"Пустой — и все,
И никаких проблем".

А жизнь — одна
И надо делать что-то,
Чтоб не одна, хоть важная, работа,
А было все же нечто для души.
Под сапогами листья заскрипели,

"Мы ничего на свете не успели —
Так ты хоть, неопавший, поспеши".

А я-то что?

Ответственностью полный
Я эту стройку долго буду помнить
И этот август с проседью осин,
И Якова, и повара-поэта,
И как нам тяжело с комарами летом,
И то, как я сейчас бреду один...

Я возвращаюсь — никуда не деться,
По крайней мере надо бы согреться
И постирать стоящие носки.
И, обалденно озирая нары
И то, что там осталось от гитары,
Я сам смеюсь и плачу от тоски...

* * *

В балке и весело, и жутко,
И очень тесно — не пройти.
"А ты не подсадная утка
В рабочий славный коллектив?" —

Спросил отчаянный детина,
Любуясь силою чуть-чуть,
И, словно ручейку плотина,
Он перекрыл собою путь.

"Тут каждый мастер на все руки,
Певец — Иван,
Игрок — Колюн.
А я вот гирею от скуки
Орешки мелкие колю.

Да не робей!
Ответствуй смело,
На вахте так заведено,
Какое ты умеешь дело?".
И я сказал: "Кручу кино".

"Неужто?" — оттолкнув детину,
Пропел восторженно Иван.
"Да мы притащим "Украину"
"Живем", — одобрила братва.

Спортсмен стал ниже ростом даже,
Обмяк, но все же невзначай:
"Ну... если ленту не покажешь,
Пуцу на мыло,
Так и знай".

В Салехард

В ударе
Салехардская зима —
Мороз ударил...
И такое диво —
За ниточки подвешены дома,
За тоненькие нити —
Струйки дыма.

Мой проводник —
Веселый ненец Лар,
В душе — поэт,
Пастух большого стада,
Восторженно кричит мне:
"Салехард!".
Дома плывут,
Как кораблей армада.

Теперь не мчится нарта,
А летит
Над тундрой,
Лесотундрою
И лесом.
Снега вокруг,
Как облака в пути,
Березонька стоит,
Как стюардесса.

Мой проводник —
Чудесный парень. Во!

Ему
За эту скорость
Благодарен,
Сказал уже у дома я:
"Саво!",
И "Вери велл",
Смеясь
Ответил парень.

"Саво" — хорошо (ненец.).

* * *

Показалась родина вдали —
Северное скромное жилище.
Тут не зарабатываю тыщи,
Но меня счастливее не сыщешь
На краю у краешка земли.

Пароходы поздние идут
И гудят печально и тревожно:
"До свиданья, Салехард!
Возможно
Белым летом встретимся мы тут".

Самолеты рвутся в облака,
Покидая деревянный город,
Только я стремлюсь в него, пока
По Обской губе не врезал холод.

Здравствуй, двухэтажный Салехард,
Родина двоюродная, здравствуй!
Ты не встретишь ставропольской астрой,
Но тебе, поверь, я очень рад.

Знаю — я пройду по мостовым,
Обниму трепещущие руки.
И жена меня после разлуки
Назовет испуганно на Вы.

* * *

Как долгон путь в грозу ночноу,
Низки слепые облака,
И грозно плещется река,
И та избушка далека,
В которой мы переночуем.

Как долгон путь ночноу дороги,
Но надо все-таки идти,
Да будут звезды впереди,
Да будет солнце на пути,
Да будут милостивы боги!

* * *

Лечу над белым пламенем снегов,
Над черными ожогами оврагов
И кажется, что крылья самолета
И винт — в мое вмонтированы тело.

И это я по струям голубым
Скольжу, как птица,
С болью замечая
И шрамы перекрещенных дорог,
И холм, и одинокую сосну,
Торчащую, как памятник деревьям.

* * *

Александрю Герберу

Снег неожиданный, как негр
В моем сибирском далеке,
В июле начал падать с неба,
Но не застал людей в тоске.

Они работали устало,
Они не видели помех,
И даже радио Ямала
Не подтвердило — падал снег.

А я шел тундрою зеленой
За солью, сахаром в село
И было на душе влюбленной
Немного жутко, но светло.

Снег падал тихо и печально,
И тут же таял, черт возьми!
Он обречен был изначально
На смерть без вздохов и возни...

Ах, если б мне года вернули
Иль мне вернуться в те года,
Когда срывался снег в июле
И сам я падал иногда.

Что этот северный размах
Для всей страны и мира значит,
Когда я видел — nenка плачет
С ребенком малым на руках?

Вы скажете: "Не в этом суть".
Конечно, нефть и газ важнее,
А что, ответьте, будет с нею,
Когда строения снесут,

Уйдут, железный бросив хлам,
Оставив черные подтеки?..
...Во сколько горькие уроки
В дальнейшем обойдутся нам?

Ненцы — мудрый народ.
Суеверный немножко,
Ведь когда умирает
Какой-нибудь дед,
Он родным говорит:
"Я пошел за морошкой", —
И уходит из чума...
И его больше нет...

И когда меня жизнь
Невзначай заморочит —
Пусть не так уж я стар,
Пусть не так уж я сед,
Поступлю,
словно ненец.
"Он ушел за морошкой", —
Так скажите, коль спросят,
любопытным в ответ.

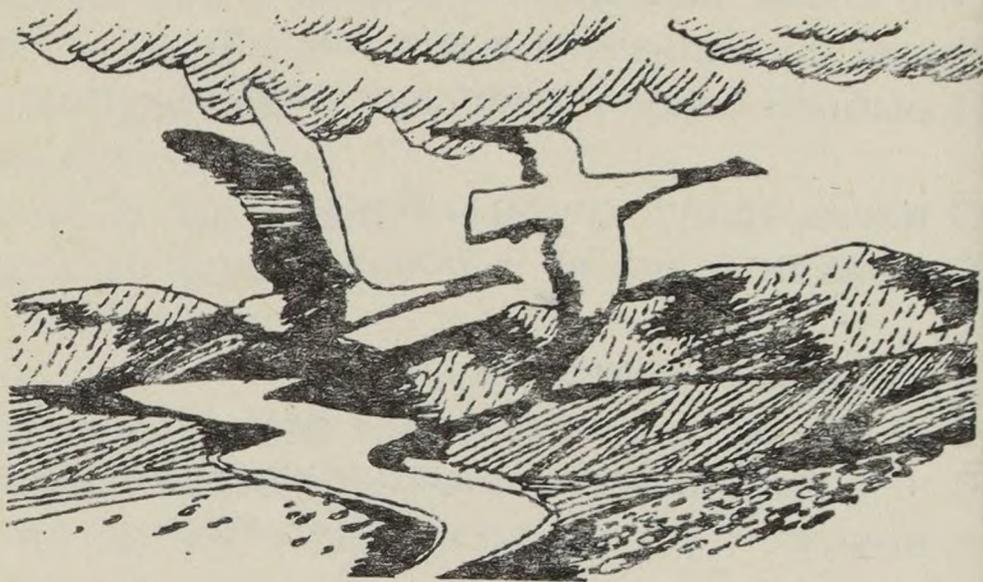
А вы видали северное небо?
Оно собой напоминает невод.
Водой переливается в нем воздух
И рыбьей чешуей сверкают звезды.

О невод чешут круглые бока
Диковинные рыбы — облака.

А вы видали северное небо?
Оно прелестно, как одежда Евы.
В нем тысяча оттенков, тонких линий,
А ночью — украшает месяц-бивень.

Но почему не слышу я ответа —
Так вы видали северное небо
В подзорную трубу — отверстие чума?
Прекрасней чуда не могу придумать.

Оно как будто спеленало чум,
Оставив для дыхания чуть-чуть...

Страна Любовь

[Faint, illegible handwriting, possibly bleed-through from the reverse side of the page]

А
Ко
Лю
Но
Чт
Не
За
А
Н
Н
Ко
Из
Из
М
То
На
По

Н
И
На
В
Ка
То
Ка
Л
Е

Страна Любовь

А я люблю...

Конечно, это право

Любого человека на земле,

Но если я скажу,

Что я люблю

Не ту земную, что всегда со мною, —

Законную и верную жену,

А ту, которой нет еще

Ни в сказках,

Ни в смелых сновидениях фантастов,

Которая из лунного сиянья,

Из полумрака звезд,

Из света солнца

Моим воображеньем создана,

То знаю —

На меня посмотрят люди

По крайней мере, как на чудака...

Но я люблю...

И в этом нет намека

На фальшь или на позу, нет!

Ведь я люблю ее,

Как небо любит росчерк —

Тончайший росчерк птичьего полета,

Как волны моря

Любят чайку, вторя

Ее полету рокотом прилива.

Да, я люблю!
Но ведь на самом деле
Был безнадежно я б оптимистичен,
Когда б любил, но знал,
Что нет ее на свете
И быть не может
Только потому,
Что соткана она воображеньем
Из серебристых нитей
Полумрака,
Сиянья,
Света
Звезд,
Луны
И солнца,
Но я люблю...

Смотрите
С понимающей улыбкой
И думайте в душе: "Какой чудак".
Но пусть не я —
Зато мой дальний правнук
Ее за плечи тихие возьмет
И поцелует в трепетные губы,
И уведет...

Воспоминание

Л. А. Д.

Я люблю женщину... Ей за тридцать.
Я еще мальчик, она в годах.
Но она прекрасна, как озеро Рица,
Затерянное где-то в Кавказских горах.

У нее есть муж, у нее есть дети,
Она замечает меня едва.
Я говорю с ней, но сильный ветер
Сбивает с толку мои слова.

От нее удивительно веет прохладой,
Хоть солнцем пахнет она сама,
Наверное, много мужества надо,
Чтоб от нее не сойти с ума.

Я люблю женщину... Ей за тридцать.
Она, как птица летящая вниз.
У нее и руки, как крылья птицы,
И походка, как росчерк полета птиц.

В темноте моих чувств поднимается солнце,
В темноту моих чувств опускается страх,
Но звучит, как проклятье, это дерзкое соло:
"Я люблю женщину, она в годах".

Ну, а что ж?
Когда-нибудь вычитаньем
И сложеньем

Любовь занималась?

Нет!

Любовь — это высочайшая тайна,
Не признающая арифметику лет.

Я люблю женщину... Ей за тридцать.
Я еще мальчик, она в годах,
Но она прекрасна, как озеро Рица,
Затерянное жемчужиной в Кавказских горах.

* * *

Женщина, как скрипка, —
Чем старей,
Тем ее ошибка
Все слышней,
Тем ее звучание
Все теплей,
Тем ее молчание
Все больней.

* * *

Я ранен этой женщиной,
Как взрывом
Снаряда,
Прилетевшего извне,
И,
Словно оглоушенные рыбы,
Плывут все чувства,
Бывшие во мне —

Забытая любовь
К какой-то Вере,
Веселая интрижка,
Легкий флирт.
Как будто
После кислого портвейна
Я по ошибке выпил
Чистый спирт.

И хочется сказать —
Не говорится,
И хочется кричать —
Такая боль!
И я не знаю
Сколько будет длиться
Проклятие...
Мучение...
Любовь...

Забуду все —
Как звать тебя, забуду,
Глаза и брови,
И лица овал,
И эту разноцветную
Посуду,
И эти разноцветные
Слова...

Но в старости,
В какой-то день ненастный,
Когда обрушит тяжести
Беда,
Я вспомню вдруг —
Какое было счастье,
По глупости забытое тогда.

Г. С. С.

Когда тыходишь в комнату — светлеют
Не только стены, пол и потолок,
Но даже затрапезный уголок
за русской печкой, где от счастья млеют
Сверчки, свои настраивая скрипки,
но даже этот мрачный уголок
Не может удержаться от улыбки.

Оркестр грянул...
Мягкие бемоли
И жесткие диезы и бекары
Меня спасают от великой боли —
От одиночества,
От этой высшей кары.
Когда тыходишь — всей страны радары
Улавливают гулкие удары —
Биенье сердца моего...
Ты знаешь —
Я не могу быть Робинзоном Крузо,
Я одиночеством раздавлен, словно грузом,
И ты напрасно головой качаешь.

Когда тыходишь в комнату — светлеют
Над всей моей планетой облака,
Задумчивее тянется река,
Стремительнее ласточки над нею.

* * *

Любимой женщине своей
Я поклоняюсь ежечасно,
Как будто это мавзолей,
Где все торжественно-прекрасно.

Соперники? Мне жалко их —
Они мне не страшны отныне,
Хоть я не ставлю часовых
К любимой женщине — святыне.

Для меня ты —
Удивинка,
Повод для стиха...
Для него ты —
Хворостинка
Пас-ту-ха!

И жалеть тебя
Не надо,
Прежняя любовь...
Гонит он тобою стадо
Чувств-коров.

Л. М.

Как зверек
С пушистым мехом,
Пробежала
Между нами
Искра смеха,
Искра смеха —
И растаяла в тумане...

Да, не долго мы
Смеялись,
Но и плакали нечасто...
Не пойму —
Несчастлив я ли
Или ты со мной
Несчастлива?

Ночь захлопала ушами,
Совы вздрогнули, но вы
Никому не помешали
В глупой нелюби-любви.

В злостной
радости-печали,
Как всегда
не по уму,
Никому не помешали —
Даже сердцу моему.

Л. М.

Недовольная ты мной
Целый век:
"Ты, наверное, больной
Человек".
Ну, конечно, не здоров
Я теперь —
Сочиняю много слов
О тебе.
Ты, как радуга-дуга,
Разноцвет.
Ты — прекрасные снега,
Синий след.
Я хожу туда-сюда
И назад.
Смотрит черная беда
Мне в глаза.
Ты смеешься надо мной
Громче всех.
Я, наверное, больной
Человек.

* * *

Пронзительная музыка
Звучит со стороны,
Берет меня, как узника
Пленительной войны.

Уводит, но нечаянно,
Не чувствуя вины,
От пирога и чайника
От бога и... жены.

* * *

Краса любимая моя,
Все для меня в тебе так любо —
Коса прекрасная твоя
И нецелованные губы...

...Признался — и ажиотаж:
"Да как он смеет! Видно, пьяный."
А ты ведь навсего мираж,
Мой белый парус в океане.

Л. М.

И солнышко светит ярче,
И небосвод голубей,
И выше взлетает мячик,
Вспугивая голубей,
И голуби, словно почки,
Выстреливают по весне,
И все получается очень,
Когда улыбнешься мне.

А если нахмуришь брови,
А если твой взгляд колюч,
То кажется мир суровым,
Хотя и не видно туч,
И девушки точно бабы —
Куда их девалась стать!
И голуби, словно жабы,
Пытающиеся взлетать ...

Вы замечали,
Что девушка любимая
Ласточку собой напоминает?
Так же ее талия тонка
Так же рук движенье,
Как паренье,
И походка девушки,
Как росчерк
Птичьего полета в облака.

Точно так,
Как ласточка,
Шутя
Кончиком крыла воды
Коснется,
Точно так
И девушка моя —
Сердце ранит и...
Не улыбнется.

На пристани

Г. С. С.

У меня надежды бродят —
Вот пришел наш теплоход,
И по сходам бойко сходит
Озабоченный народ.

Я гляжу, но взгляды мимо,
Все торопятся, сопят...
Только нет тебя, любимой,
Нет, любимая, тебя.

За границей

Что такое сирень?

Ну, подумаешь, кустик расхожий.

Но однажды попал я...

Да не надо, не в город Тюмень!

Там не лица, а лики.

Потому что там каждый прохожий

Нес любимой своей не морковку, бурак,

А сирень!

Я был там, как нечаянно стукнутой сеткой,

Той, в которой картошка, морковка, бурак.

Мне сочувственно вслед говорили:

"Наверно, советский."

За прохожими шел я, как последний дурак.

Да, конечно, последний...

Шел и нюхал сирень я.

Боже мой!

Говорили, что нету цветов.

Л. Горюниной

Тяжелые вздохи вокзала
Встревожили душу опять...
Ты мне ничего не сказала,
Мне нечего тоже сказать.

Мы тихо как близкие люди
Стояли на похоронах,
И ладно, казалось, и будет...
Но ветер метался в глазах.

И слезы девятого вала
Готовы вот-вот загудеть,
Но ты ничего не сказала,
Стесняясь прохожих людей.

Они надвигались и плыли
Почти в миллиметрах от нас,
Друг друга мы очень любили...
Но это отдельный рассказ.

Признание

Л. Я. Шмаковой

Когда уж случится, мой милый,
Что я не вернусь назад,
Никто на моей могиле
Не сможет плохого сказать.

Росла я такой бедовой,
Попробуй такую сыскать!
Но разве обидное слово
В мой адрес можно сказать?

Любила? Конечно, любила,
Смотрела влюбленно в глаза,
Никто на моей могиле
Не сможет плохого сказать.

Пусть я и не видного роста,
Но всем заявляю я, всем:
"Как во поле чистом березка,
Я гнусь, не ломаясь совсем".

Мне в жизненной тине, как в иле,
Еще увязать, увязать...
...Никто на моей могиле
не сможет плохого сказать.

В стихах юнца
так смысла много,
Так мудр неокрепший бас,
Что кажется —
Его дорога
Уже кончается сейчас.

А вот седой,
Уже с горбинкой
Так распевает о любви,
Что кажется —
Его тропинка
Лишь начинается...
Увы!

Портрет

Тихая
ихая
Хая...
а я?

Глупая
лупая
упая
Пая

Тонкая,
звонкая,
Но не твоя!

Всякая,
якая,
Но не такая...

Шуточный сонет

Говорят — любимые уходят
И уносят голубую тайну...
Их высочества презренные отродья
Из печей на метлах вылетают.

Говорят — любимые прекрасны.
Чуть ли не божественны...
Не нужно!
Их удел —
Вносить мужчинам распри
И ножом вонзаться в нашу дружбу.

Говорят — любимых берегите...
Берегитесь этой сатаны.
Все они актрисы,
Что им ГИТИС?
Им только овации нужны.

Но... предпочитают послушанье —
Чтоб мужчины хлопали ушами!

Иронические строки

Свою жену
Как куколку одену,
И стану другом ей,
И стану тенью...

Моя жена
Как куколка
Одета.
Она плевать
Хотела на поэта.
А другом ее стал
Один спортсмен.
И после этих чудных перемен
Я так решил:
"Как куколку раздену
Жену почтенного спортсмена".

Был юным отрок
И чуть не в крик:
"Кому за сорок —
Уже старик!".

А умирая,
Сказал жене:
"Ты молодая,
Не пара мне.

Не надо ссоры,
Люби иди.
Тебе лишь сорок —
Все впереди".

* * *

Есть в осени прекрасные мгновенья,
Которые весной не оценить,
Они
Как будто в лето откровение,
Воздушная волнующая нить.

И шепчем мы:
"Благословенна осень,
Глоток нерукотворного вина!".
И правы мы...
И хорошо нам очень...
Но все-таки
Прекраснее весна!

Роза умирала тихо и скорбно...
Тюльпан не заглядывал к ней.
И она подумала: "Какое ничтожество!
Когда я была молодой,
Он оказывал мне знаки внимания,
А теперь, когда я умираю,
Он забыл обо мне...".

...Роза запомнила, что тюльпан
Старел вместе с ней.
У него уже не было сил
Проведать умирающую розу...

Ива влюбилась в тополь.
О такой чистой любви
Он даже не мечтал.

Ему бы поклониться,
Но, увы!
Тополь смотрел
На все свысока ...

* * *

Две Акации влюбились в Дуб.
"Неужели он не видит,
Что я красивее?" —
Печально думала желтая.

"Неужели он не видит,
Что я прекрасная?" —
Думала белая.

А Дуб был дальтоник ...

Л. В.

Холодный ветер расставанья
Ударит в наши паруса,
И поплывут на расстоянье,
Как два челна,
твои глаза.

Придется ль свидеться нам снова
У островка
Житейских встреч,
Чтобы твое
Услышать Слово,
Чтоб твоих коснуться плеч?

Тень от стихов на асфальте...
Ты ее не затопчи.
Нет в ней ни грязи, ни фальши,
Слушай... Молчи...

Музыка, как у Вивальди.
Ты ее не тревожь.
Тень от стихов на асфальте...
Все остальное — ложь!

Тусклая, как лампочка в полватта,
Умирает деревенька Вата,
Самая последняя девчонка
Выскочила замуж за солдата.

И теперь, как утверждают слухи,
В ней остались древние старухи,
А они, при всей любви к деревне,
Не спасут родную от разрухи.

* * *

Я очень долго жил в лесу
Таким красивом и высоком,
Что трансформировалось око
На жизнь оставшуюся всю.

Я не смогу теперь смотреть
Подобострастно иль в угоду
Ни на людей, ни на природу —
Мне будет легче умереть.

И раствориться в облаках
Иль навести на душу глянец.
Я не смогу теперь и глянуть
На недостойных свысока.

Я очень долго жил в лесу
И слушал листьев перезвоны,
И познавал его законы,
И постигал его красу —

И понял я, что лес велик,
он поднимает наши души.
Да будьте все ему послушны —
Живите так, как он велит.

Ханты-Мансийск

Александру Герберу

Как бы
Без особого риска
Голос сорвать
Пропеть хвалебную арию
О городе Ханты-Мансийске?
Это — Швейцария,
Так сказать.

Почти
На слиянии двух вели...
Чайших рек,
Холм на холме
Холмом подстегивает,
Великолепные пихты и ели,
Дома деревянные
В позах иеговых,
25000 всего человек.

Далее — проза. Эстет, не морщьтесь.
Это ль беда?
На Ханты-Мансийских улицах
Царствуют летом мошки.
Не вздумайте сунуться летом
Сюда.

Зимою — другое дело,
Прямо мечта.
Воздух такой —

Не надышишься.
Лишь бы пурга не свистела.
Дыши.
Бесплатно —
Не надо тысячи.
Красота!

Жить здесь можно охотникам
И рыбакам,
Поэтам, людям чахоточным,
Ну, еще, пожалуй, совпартработникам,
Любителям водочки
И чудакам.

Угол... Аптека... Микроавтобус
Каплей течет...
И совершенно не верится
В то, что, планету копируя,
глобус
Все-таки вертится,
Черт!

1973 г.

Фантазия в стиле

ДОЖДЯ

Мурату Хушагульгову

Жарко в Прохладном...
Станция эта
Вся переполнена солнечным светом.
Всюду он...
И невозможно поверить
В тени акаций и прочих деревьев.

Белые голуби в небо взлетают,
Хлопьями снега над крышами тают.
В небе ни облачка.
Испепеляя,
Солнце смеется, свободно гуляя.

Людам тут, видно, живется счастливо,
Все они — бронзового отлива.
Все расплзлись по прохладным конторам
И предаются делам, разговорам.

Я лишь, приехавший с дальнего края,
Так одиноко под солнцем гуляю,
Белое тело свое не жалея,
Солнцу дарю, от предчувствия млея...

Счастье предчувствовать — горе ли это?
Чувствую — дождь собирается где-то.
Я объясняю случайным прохожим:

"Дождик пойдет"
А они: "Не похоже".

И отмахнулся один: "Перестаньте!
Это — в Прохладном,
А не в Бургустане.
Видите — солнце такое,
Как вымпел".
Бабка вздохнула:
"Он, видимо, выпил".

Бабушка, нет!
Я не пью. Извините.
Сердце готово для чуда открытий...
Чувствую я — собирается где-то
Дождик пролиться над частью планеты.

"Нету ни облачка!" —
Бабка сказала,
Тут же исчезла — и облачком стала.
Ветер подул и внезапные тучи
Грозно неслись, собираясь в кучи.

Стало в Прохладном немного прохладней,
"Дождик пойдет — указали вы, ладно!
Только, смотрите, картина какая —
Молнии нет ни одной,
Не сверкает", —

Это девчонка лет этак в семнадцать
Вздумала вдруг надо мной надсмехаться,
Что ж, я исправлю и эту ошибку —
Молнией кинул девчонки улыбку.

"Вы — хулиган, — возмутился прохожий, —
Облако, тучи и молния тоже

Есть компоненты дождя.
Нам знакомо.
Нету дождя, —
Грохотал он, —
Без грома!".

"Что ж", — я вздохнул, и мужчины не стало —
В небе тотчас что-то загрохотало.

Молния снова меня осветила,
Гром, чуть помедлив:
"Кого полюбила?
Он — хулиган.
Не ошибся я в этом.
Экий дурак, что связался с поэтом!".

Чувствуя странную боль и тревогу,
Стал отходить я душой понемногу —
Молния в девушку вновь превратилась,
Гром громогласный — в мужчину,
За милость

Право принял он отцом быть невесте...
Так и живем мы, счастливые, вместе.

Жарко в Прохладном...
Как в юности, жарко.
Все переполнено солнечным светом.
Только вот бабушку-облачко жалко —
В той суматохе растаяла где-то...

Н. А.

Вспоминаю без глупого ханжества
Утонченное имя твое,
Деревянную птицу Архангельска,
Золотистые крылья ее.

Птица счастья искусного мастера
Улетела, исчезнув навек,
И осталась лишь в памяти Настенька,
Поморенка — двинской человек.

По морям-океанам не плавала,
Не ловила китов и кету,
Но, наверно, поморскою славою
Осенило твою красоту.

* * *

Что же мы значим
В конце-то концов
Этой истории вздорной?
Где же асфальты наших отцов,
Где наши корни?

Мы расстреляли к Отчизне любовь
И заливаемся кровью.
Где же дороги наших дедов,
Где наши корни?

Нас убеждают — это судьба,
Мы удивляемся — ой ли?
Прадедов наших где же тропа,
Где наши корни?

* * *

Я вижу все —
И горизонт в тумане,
И самолет,
Летящий в облаках,
И женщину,
С невинностью в глазах,
Которая
Когда-нибудь обманет.

И будет лгать,
Едва откроет двери,
Рассыпав лжи большие пятаки,
И ей не будут верить дураки,
И, как ни странно,
Я ей буду верить.

Песня

Т. Х.

Девочка, печали не скрывая,
Говорит осенние слова:
"Без листвы березка не живая", —
Я ей отвечаю: "Не права".

Девушка над речкою замерзшей
Говорит январские слова:
"Я стою над нею, как над мертвой", —
Я ей отвечаю: "Не права".

Женщина над бывшею любовью
Причитает: "Ты еще жива!
Мы ведь еще встретимся с тобою?" —
Я ей отвечаю: "Не права".

Ты вычеркнула память из меня,
Тебя не помнить — это верх блаженства.
Ужаснейшее свойство изменять
Ты довела, увы, до совершенства.

Не помню губ твоих, твои слова,
не помню солнца яркого над нами.
Я, как Иван, не помнящий родства...
Но помню все.
Будь проклята же, память!

Плясовая

Эх, раз! Еще раз!
Удивляют ритмы нас
Многообразием...
Своеобразием...

Ай, да жаркий перепляс!
Не жалеете, ноги, нас,
А мы вас!
Как пристукнем каблучками,
За руками, как лучами, поведем
Да плечами, как крылами, как взмахнем,
Зарядим часа на два,
Если терпит голова;
Пусть идет все кругом, кругом,
Пусть народ вздохнет с испугом:
"Как остановиться,
Чтоб не развалиться?".

Девичья песня

Ой, да ты, калинушка горькая,
Как моя любовь безответная.
Одинокó стоишь ты под горкою,
Да к воде наклоняешься ветками.

Ты так смотришь на воду внимательно,
Будто видишь в ней тайны серьезные.
Я, сиротка, к тебе, словно к матери,
Обращаюсь с девичьею просьбою:

"Погляди, дорогая калинушка,
И ответь мне хоть горько, да искренне —
Почему я любимым покинута,
Словно ветром холодная искорка?"

Наклонилась калинушка горькая
Над водою прозрачною ветвями,
Ничего не ответила гордая,
До сих пор ничего не ответила...

Николаю Шамсутдинову

Поэт читал о мире и Вселенной,
Наверное — космический поэт...
А можно я о бабушке Елене?
Я думаю, никто не скажет: "Нет!".
Она проста, как ягода и росы,
Встречающие бабушку в лесу,
И у нее редеющие косы,
И даже бородавка на носу.
Нет, не поет она печально длинно.
И не берет второй октавы "ми".
Конечно же, не бабушка Арина,
Но ведь и я — не Пушкин, черт возьми!

Зеленый домик

(песня)

Александр Никитину — другу

Зеленый домик с белой крышей
на фоне сосен и берез.
Как-будто кто-то верный вышел
И душу домика увез.

Припев:

Домик зеленый с белою крышей,
Рядом — смородина...
Ты меня слышишь или не слышишь,
Малая родина?
В домик зеленый с крышей белой
Я не вернусь назад...
Что же мне делать, что же мне делать?
Сам виноват

Дом стал глухим — не слышит птички
Разноголосые лады.
Лишь шум скользящих электричек
Его выводят из беды.

Припев:

И я, как дом, живу все тише,
Все меньше смеха, больше слез.
Зеленый домик с белой крышей
На фоне сосен и берез.

Припев:

Песня

Владимиру Рукину

В России свет — от белых слез,
Особенно зимой и в осень.
Светло в России от берез,
Но как же в ней темно от сосен!

Темно в России от дубов,
От тополей, что вверх стремятся,
Но подтвердит из нас любой —
Светло в России от акаций,

Темно в России от осин,
Но в этих чувствах мы едины —
Светло в России от рябин,
Светло в России от калины.

Но всех светлей — скажу всерьез
Слова изысканно-простые —
От светлой сущности берез,
От чистой сущности России.

Голубь

Я нашел голубя —
Он не умел летать...
Что-то в нем такое случилось.
Выбросить жалко —
Не полетит.
Выбросить — не поднимут.

А дома,
Услышав музыку,
Голубь... затанцевал,
Хотя и не был ученым.
Что-то в нем такое случилось.
Услышит музыку — танцует,
Музыка окончится — тоскует...
И умер мой голубь,
Но я же кормил
И поил его,
честное слово!
Что-то в нем такое случилось —
Взял и умер.
Умер — и все...

И после товарищ в больших очках
Мне объяснил беспристрастно и четко,
Что голубь, не умевший летать,
Обязательно бы умер,
Не умереть не мог бы.
Более того — обязан умереть.

А я-то думаю,
Я виноват.
Надо было музыку...
Музыку было надо...
Было! Надо! Музыку!
И он бы жил.

* * *

По белой аллее из снежных берез
Бреду я, печали своей не скрывая.
Не хочется верить, что это всерьез,
Что больше не будет зеленого мая.

Не будет, не будет, не будет весны,
А только снега на могильные плиты,
Не будут тревожить прекрасные сны,
Не будут урчать, как собаки, обиды.

Но хочется верить до искренних слез,
Что буду бежать я, любви не скрывая,
По белой аллее из белых берез
Под солнечным выстрелом синего мая.

* * *

Я узнал, что умерла моя мама,
Из уст улыбающейся бортпроводницы,
Ей было очень весело и смешно,
Она кокетничала с рыжеволосым грузином.
Странно, как он попал

в наш северный городок.

Наверное, торговал апельсинами...

Когда ее вызвали пилоты
И прочли радиотелеграмму,
Сияющая бортпроводница —
Губы, как дольки апельсина, —
Весело спросила:

"Кто из пассажиров товарищ такой-то?"
И назвала мою фамилию.

Я, было, решил промолчать,
С досадой подумав, что вездесущее начальство
Настигло меня и тут, в самолете,
Чтобы к вороху заданий
Добавить еще одно,
Но дурацкая обязательность
Сделала свое черное дело —
Я со вздохом поднялся с кресла.

Мы вышли в тамбур.
Як-40 уже набрал высоту,
И девушка, с трудом сдерживая хохот
(Не знаю отчего ей так было весело —
может быть, грузин рассказал
ей смешной анекдот,

а может быть, в глаз попала смешинка...
И оттого, что смеяться в этот момент
Было нельзя — она же отлично это понимала, —
Ее буквально раздирало от смеха),
Сквозь сжатые зубы произнесла:
"У вас в Пятигорске умерла мама...".

А самолет почему-то летел —
Не упал, не разбился, не вспыхнул пламенем.
Летел в противоположную сторону
От пяти гор, среди которых
Умерла моя мама...

У Альберта Эйнштейна
Спросили однажды друзья:
"Вы великий ученый!
Зачем же подкова над дверью?".
Он ответил с улыбкой:
"Конечно, ей верить нельзя,
Но она помогает и тем,
Кто в нее почему-то не верит".

Песня

Ах, снега, снега — словно белый дождь
Над моей землей запорошенной,
Ты зачем пошел, ты куда идешь?
— К лету я иду — за морошкойю.

Оглянись вокруг — ведь снега кругом,
Что за мысль тебя заморочила,
Ты зачем пошел и оставил дом?
— К лету я иду — за морошкойю.

А мороз стоит — разрывает грудь,
Даже сердце в ней заморожено.
Ты зачем пошел в этот трудный путь?
— К лету я иду — за морошкойю.

Все вокруг твердят: "Твердолобый он!".
Мол, такой-сякой, мол, он сошка лишь.
Ты зачем пошел, ну какой резон?
К лету я иду — за морошкойю.

Есть философский смысл бытия,
А есть житейский — дважды два? Четыре!
И все, происходящее в сем мире,
Делил на эти части глупо я,

Но был не прав!
Все это лишь слова...
Ведь смысл жизни
Сверхмногообразен:
Прекрасные оттенки —
Безобразны,
Уродливы штрихи
У божества.

Димитрию — Его Преосвященству

Во веки веков — Аминь!
Чтоб эти березы были,
А если не будет их или
Забудет их сукин сын,
Забудет их дьявола дочь,
Рогатого черта теща —
Пусть их расстреляет роща
Патронами белыми — в ночь!

Любви не погаснет камин
К печальным российским дорогам.
Я верю в могущество Бога,
Во веки веков — Аминь!

Во веки веков — всегда
Пусть будет святое чувство
Прекрасное, как искусство,
Простейшее, как вода.

О, сердце мое, не стынь!
Пусть вера тобою правит.
Березы — налево, направо...
Во веки веков — Аминь!

Содержание

А.ГРИШИН. Живая вода Анатолия Марласова	5
СТРАНА РОССИЯ	
Приметы	11
“Поднимается пар на лугу по утрам...”	13
“Я, наверное, слепну...”	14
“Есть море знакомых...”	15
“У человека есть гнездо — земля...”	16
“А мне-то и надо немного...”	17
“Светло и чисто на душе...”	18
“Как тревожно сегодня...”	19
Романс	20
“Все было тихо и спокойно...”	21
“Я был рожден в бомбоубежище...”	22
“Россия, я твой колобок...”	23
“Мой отец с войны вернулся...”	24
Воспоминание о 1947 годе	25
Деревня	26
Баба Паша	27
Родство	28
Церквушка	29
Мастер	30
“Мимолетность жизни сознаем...”	32
“И я заснул спокойно и глубоко...”	33
Поверьте	35
“А если я когда-то жил...”	37
“Друг меня позовет...”	38
“У меня друзей палата...”	40
Реке Москве	41
“И эта речка — там, внизу...”	42
“Я долго свою Родину искал...”	43
На родине	44
“Почему не видно белых птиц...”	45
Осень	46
В горах	48
“Полугоре — не горе...”	49
“Попадаются деньки...”	50
“Убегает изо всех силенок...”	51
Сравнения	52
“Вот огромный человек...”	53
“Станция радости — все вылезайте!”	55
“Я конечно, ошибался...”	57
“Сентябрь — осени вокзал...”	58
“Луч солнца встрепенулся и погас...”	59
Восточное	60
Сон	61
“Печататься — не значит быть поэтом...”	62

Эпиграмма поэту Н	63
Журавль	64
“Ничего в поэзии не стоя...”	65
Старость	66
“Я знаю, что жизнь — это строчка...”	67
СТРАНА ЯМАЛ	
Страна Ямал	71
Белая ночь	72
“Нет, я юность не рассеял...”	73
“Неба сумрачный бархат...”	74
В столице	75
“В начале мая почернеет снег...”	76
“О, эта комната с камином...”	77
“Такая радость — птица прилетела!”	78
“Привет, отшельники лесные!”	79
“Упала сосна вековая...”	82
Ситуация	83
“Картина эта вам знакома?”	84
Осень	85
“Сурово-сизая зима длиннее прошлой...”	86
Весна	87
Случай	88
“В неводе моей печали...”	90
Северное небо	92
Арина Родионовна	93
“Ах, морошка! Чудо-ягода...”	94
Старик	95
“Это было давно. Однако...”	97
“И хотел бы я заплакать...”	98
Осень	99
“В балке и весело, и жутко...”	101
В Салехард	103
“Показалась родина вдали...”	105
“Как долог путь в грозу ночную...”	106
“Лечу над белым пламенем снегов...”	107
“Снег неожиданный, как негр...”	108
“Что этот северный размах...”	109
“Ненцы — мудрый народ...”	110
“А вы видали северное небо?”	111
СТРАНА ЛЮБОВЬ	
Страна Любовь	115
Воспоминание	117
“Женщина, как скрипка...”	119
“Я ранен этой женщиной...”	120
“Забуду все...”	121
“Когда тыходишь в комнату — светлеют...”	122
“Любимой женщине своей...”	123
“Для меня ты — удивинка...”	124
“Как зверек с пушистым мехом...”	125

“Ночь захлопала ушами...”	126
“Не довольная ты мной...”	127
“Пронзительная музыка...”	128
“Краса любимая моя...”	129
“И солнышко светит ярче...”	130
“Вы замечали, что девушка любимая...”	131
На пристани	132
За границей	133
“Тяжелые вздохи вокзала...”	134
Признание	135
“В стихах юнца так смысла много...”	136
Портрет	137
Шуточный сонет	138
Иронические строки	139
“Был юным отрок...”	140
“Есть в осени прекрасные мгновенья...”	141
“Роза умирала тихо и скорбно...”	142
“Ива влюбилась в тополь...”	143
“Две Акации влюбились в Дуб...”	144
“Холодный ветер расставанья...”	145
“Тень от стихов на асфальт...”	146
“Тусклая, как лампочка в пол-ватта...”	147
“Я очень долго жил в лесу...”	148
Ханты-Мансийск	149
Фантазия в стиле дождя	151
“Вспоминаю без глупого ханжества...”	154
“Что же мы значим...”	155
“Я вижу все — и горизонт в тумане...”	156
Песня	157
“Ты вычеркнула память из меня...”	158
Плясовая	159
Девичья песня	160
“Поэт читал о мире и Вселенной...”	161
Зеленый домик	162
Песня	163
Голубь	164
“По белой аласе из снежных берез...”	166
“Я узнал, что умерла моя мама...”	167
“У Альберта Эйнштейна спросили...”	169
Песня	170
“Есть философский смысл бытия...”	171
Димитрию — Его Преосвященству	172

6500

МАРЛАСОВ Анатолий Михайлович

БЕЛЫЙ ПОСОХ

Стихи

Технический редактор Ю Мандрика.
Художники А.Кухтерин, В.Дыба-младший.
Корректор М.Дистанова.

Сдано в набор 24.07.1995 г.
Подписано в печать 14.08.1995 г.
Формат 75×90/32. Гарнитура "Балтика".
Печать офсетная. Бумага типографская № 2.
Усл. печ. 6.87 л. Уч.-изд. 4,5 л.
Тираж 3000. Заказ 316.

Лицензия ЛП №063670 от 24.10.94 г.

Издательство "СофтДизайн".
Тел.: (345-2) 26-12-09, 26-76-54.
Адрес для переписки: 625002, г.Тюмень, а/я 5579.

Отпечатано на ИПП "Уральский рабочий"
с готовых диапозитивов.

620219, г.Екатеринбург, ул.Тургенева, 13.

X

7 15 12004
Окружная библиотека

